

Н. Русова, В. Шевцов

«Жираф»

Николай Степанович Гумилев трижды (!) путешествовал по Африке — самостоятельно и в составе академических экспедиций. Поначалу его влекли туда только страсть к романтическим приключениям и презрение к налаженному европейскому быту, а потом и растущий профессиональный интерес к традиционной культуре африканских племен.

Стихотворение всецело проникнуто волнующим ощущением сказочной прелести манящего «далека», ощущением, скорее даже не юношеским, а детским: так непосредственны впечатления лирического героя. Экзотической романтике, им воспеваемой, противостоит «тяжелый туман», который окутал безмолвную собеседницу героя, погруженную в печальные думы. Тот восклицает: «Послушай!», но не находит сочувствия: не названная в тексте героиня обитает в реальном мире, полном своих невыдуманных забот, и уже не верит в сказки («Ты верить не хочешь во что-нибудь кроме дождя»).

Песенная интонация стихотворения, подернутая грустью и нежностью, поддерживается звучанием редкого пятистопного амфибрахия с перекрестной мужской рифмовкой (в первой и пятой строках последняя строчка написана трехстопным амфибрахией, и эта укороченная фраза служит неким афористичным заключением). Почти буквальный повтор двух финальных строк в начале и конце текста создает композиционное обрамление, напоминающее песенный рефрен. Интересна изобразительная структура стихотворения. Сравнения вводятся не мимоходом, как сами собой разумеющиеся, — нет, автор специально сосредоточивает на них читательское внимание. В результате для нас важно не обнаружить признаки одного предмета в другом, а увидеть оба сравниваемых предмета одновременно и издали оценить их подобие — и в то же время раздельность: «...волшебный узор, / С которым равняться осмелится только луна, / Дробясь и качаясь на влаге широких озер»; «Вдали он подобен цветным парусам корабля...». Лунное отражение в озерной воде и корабельные паруса мы представляем себе не менее явственно, чем самого жирафа. Этот эффект приводит к тому, что образ «изысканного жирафа» с его «волшебным узором», не утрачивая своего прямого значения, приобретает и символический смысл: в нем олицетворено все культурно-географическое пространство тропической Африки (отметим, что местоположение «таинственных стран» не условно: оно точно указано в тексте — «озеро Чад»), столь близкое лирическому герою — и автору стихотворения.